

15. *Чарота, І.* Спасціжэнне таямніц / І. Чарота // Таямніца часу: выбранае : зб. вершаў / Джорджа Нікаліч; укл., прадм., камент. Івана Чароты. – Мінск : Белпринт, 2013. – С. 3–12.
16. *Czaykowski, B.* The Idea of Reality in the Poetry of Czesław Miłosz / B. Czaykowski // Between Anxiety and Hope. The Poetry and Writing of Czesław Miłosz. – Edmonton : The University of Alberta Press, 1988. – P. 88–111.
17. *Możejko, E.* Between the Universals of Moral Sensibility and Historical Consciousness: Notes on the Writings of Czesław Miłosz / E. Możejko // Between Anxiety and Hope. The Poetry and Writing of Czesław Miłosz. – Edmonton : The University of Alberta Press, 1988. – P. 1–29.
18. *Rothmayer, M. A.* A Dissertation presented to the Faculty of the Graduate College at the University of Nebraska for the Degree of Doctor of Philosophy / M.A. Rothmayer. – Ann Arbor : ProQuest Information and Learning, 2002. – 485 p.
19. *Doctorow, E. L.* Introduction / E. L. Doctorow / Tesich, S. // Karoo. – N. Y. : Open City Books, 1998. – P. V–VI.
20. *Оверланд, О.* Американская, но не на английском: иммигрантская литература в Соединенных Штатах / О. Оверланд // История литературы США. Литература начала XX в. в 5 т. – Т. 5. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – С. 767–799.

The article deals with the phenomenon of nostalgia and its representation in the creative work of Slavic émigré writers in the USA. The meaning of nostalgia as a specific existential state of mind and of the human soul is revealed, the ethic factor of nostalgic feelings is outlined. The role of nostalgia as a powerful impetus for the development of artistic thinking is considered. The authors' world perception and their value systems are determined, and their emotional bonds with the original homeland are shown.

Поступила в редакцию 21.02.18.

Е. А. Ревуцкая

«ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД» В ПОЭЗИИ МОДЕРНИЗМА

Статья посвящена теме «идеального города» в поэзии модернизма и обобщает результаты изучения образов городского пространства в поэтических циклах Жоржа Роденбаха «Городские пейзажи» (*Paysages de Ville*, 1901) и «О старом Львов» (*O dawnym Lwowie*, 1929) Марыли Вольской, а также в поэмах «Тени» (*Cienie*, 1895) Антония Ланге и «Вильно» (*Wilno*, 1913) Артура Оппмана. Исследование, использующее приемы сопоставительного метода и основанное на определении города как пространства, показывает, что в изучаемых поэтических текстах субстанция города наделяется сознанием, а соположения ее элементов ретроспективны и подчинены поэтике замкнутости.

В последние десятилетия городская среда все чаще оказывается объектом изучения гуманитарных наук, что обуславливает становление особого научного знания – городских исследований. Вместе с тем основы

концептуального осмысления города как пространства, заложенные Ю. Лотманом [1], и сегодня позволяют обратиться к текстам начала XX столетия – времени, когда идея города приобретает новое содержание.

Известно, что в течение длительного времени центральным элементом образа города в литературе и искусстве выступало понятие центра – некоторого ограниченного пространства, сообщающего чувство защищенности. Промышленная революция и последовавшие преобразования городской среды предопределили ее новое осмысление, поставив под сомнение идею центра. Эти преобразования не только предвосхитили проблематику современного мегаполиса, но и отразились в поэтическом воображении эпохи. Так, во Фландрии, где прежде город во всей своей целостности был доступен одному взгляду с высоты, новый облик улиц воспринимается настолько болезненно, что урбанистические мотивы оказываются доминирующими в литературе.

Так, авторы специальных исследований наследия Жоржа Роденбаха (1855–1898) подчеркивают, что все творчество бельгийского поэта основывается на системе аналогий между городом и внутренним миром лирического субъекта, между окружающей действительностью и сознанием [2; 3; 4].

В поэтическом цикле «Городские пейзажи» (*Paysages de Ville*, 1901), увидевшем свет уже после смерти поэта, наделяются сознанием стены и камни, дома и улицы, черные трубы и красные черепичные крыши:

(1) *Dans l'aurore s'éploie un octobre des pierres / Le vent vindicatif, après tant de saisons, / En des jours gris, des jours de souffrances plénières / Ébranle la langueur des anciennes maisons / Dont le front se lézarde en rides de vieillesse. / Sombres murs avancés en âge ! Vieux logis / De qui l'âme s'attarde aux rideaux défraîchis, / Branlants de souvenirs et perclus de tristesse, / Qui tamponnent avec de la mousse à leur flanc / La blessure au sang vif des briques s'éraflant ; / Vieilles maisons de qui les toitures minées / Voient dépérir, autour des noires cheminées, / Les tuiles rouges qui s'effeuillent lentement [R. G.].*

(1') 'Уж осень грустная для камня наступила, / Уж ветер мстит домам за стойкость долгих лет, / Носящим на челе морщин глубокий след, / В мучительные дни, когда все так уныло, / И ветром древние дома потрясены. / О стены темные! Жилища старины, / Чьи души в выцветших завесах запоздали! / Воспоминанием томясь, полны печали, / На раны по стенам свой мох они кладут / И крови кирпичей сочиться не дают; / Вокруг их черных труб, на кровле обветшалой / Спадают черепиц багряные листы' [Р. Ж., с. 612].

Очевидно, что создаваемый поэтом образ старения – осени города как осени жизни – подчинен стремлению остановить динамику городского пространства, вернуться к статическому, «замершему» идеалу.

Авторы работ, исследующих художественный мир Роденбаха, отмечают «параллельное и одновременное стремление к познанию города и самопознанию» [2, р. 84]. Этот тезис может быть дополнен следующим утверждением: субстанция города и субстанция души соплагаются

в поэтике Роденбаха таким образом, что всякому элементу городского пространства приписываются определенные настроения и переживания, перекликающиеся с эмоциями лирического героя.

Так, разбор поэтического цикла «Городские пейзажи» позволяет проследить развитие образа старения и умирания старых домов, наделенных способностью чувствовать и страдать, носящих «на челе морщин глубокий след» (*dont le front se lézarde en rides de vieillesse*), «томящихся воспоминанием» (*branlants de souvenirs*) и «полных печали» (*perclus de tristesse*).

Отождествляя собственную грусть с «унынием пустого города», лирический субъект не приемлет город реальный и стремится к идеализации города-призрака:

(2) *En ces villes qu'attriste un chœur de girouettes, / Oiseaux de fer rêvant de fuir au haut des airs, / En des villes sans joie aux carrefours déserts / Où de rares passants, en grises silhouettes, / Se meuvent, balançant leur marche comme un glas* [R. G.].

(2') 'В печальных городах, где хоры флюгеров, / Железных птиц, лететь стремятся ввысь напрасно, / Где грусть на улицах пустых царит всевластно, / Где редко слышится унылый звук шагов / И где прохожие скользят, как привиденья' [Р. Ж., с. 614].

Обратим внимание на то, что в примере (2) лирический герой смотрит на город с высоты – в противном случае он не мог бы охватить взглядом «хоры флюгеров» (*un chœur de girouettes*). Принцип панорамы лишь недавно стал инструментом литературоведческого анализа, однако именно прозаические тексты Роденбаха позволили исследователям определить формальные стратегии «панорамного романа» [5].

Таким образом, в центре художественного мира «Городских пейзажей» – мотив старения, смерти, траура, загробной жизни. При этом физическое страдание претерпевают наиболее осязаемые, материальные части городского пространства – стены и крыши домов, кирпичи и камни. Жители же города – это всего только «редкие прохожие» (*rare passants*), «серые фигуры» (*grises silhouettes*) на «опустевших перекрестках» (*carrefours déserts*).

В поэзии Марыли Вольской (1873–1930) основополагающим элементом городского пространства является образ дома [6; 7]. В цикле «О старом Львов» (*O dawnym Lwowie*), опубликованном в последней книге поэтессы, вышедшей за год до ее смерти, наделение городского пространства сознанием отражает ретроспективное видение «идеального города». Утверждение этого идеала как «прибежища души» воплощает у Вольской стремление вернуться в мир воспоминаний:

(3) *Dawno, w Zielone Świąta / Na Zimorowicza, pod szesnastym, we Lwowie, / Późne popołudnie... / Czasem – coś się tak mocno spamięta, / Czasem – coś się tak samo opowie...* [W. M.]

(3') 'На Зеленые Святки / В нашем доме во Львов – / Вскоре после полудня... / Миг вдруг вспомнится краткий / И останется в слове...' [В. М., с. 55].

Взгляд лирического субъекта охватывает панораму, открывавшуюся с крыльца родительского дома – особняка по улице Зиморовича (улица носила имя поэта, историка и бургомистра Львова вплоть до 1939 г.):

(4) *Jeszcze widok daleki, wesoly, / Z naszego ganku. / Na kopiec i wszystkie kościoły, / Aż po cesarski lasek, / Nie zarósł jak dziś, dachami. / Przestrzeń aż za rogatki / Widniała w słońcu niebieska, <...> / Patrzyłam daleko, na miasto, / Jak błyszczy Piaskowa Góra, / Jak się iskrzy na ratuszu lewek...* [W. M.].

(4') 'И далекий, веселый / От родного порога / Вид на горы, костелы – / Аж до самого леса – / Не закрыт был домами... / Я видала – до арки – / Вдоволь шири небесной... <...> / Сквозь дощатые ставни <...> / Я глядела на город – / На Песчаную Гору / И на льва в белом камне' [В. М., с. 56].

Это вид, еще «не заросший крышами домов» (*nie zarósł ... dachami*), простиравшийся «аж до самого леса» (*aż po... lasek*), на ратушу, бесчисленные костелы и Гору Льва. При этом, «вид далекий» (*daleki widok*) получает двойное прочтение: это одновременно и простирающаяся *вдаль* панорама, и город детства, бесконечно *далекий* ото дня сегодняшнего (маркированного дейктическим элементом *dziś* 'сегодня').

Героиня Вольской, как и герой Роденбаха, смотрит на город с высоты: этот взгляд позволяет видеть пейзаж в его целостности. Возможность панорамного охвата носит для лирического героя принципиальный характер, позволяя сложить элементы городского пространства воедино, восстановить в своем сознании изначальный порядок. Очевидно, что лирическая героиня Вольской, как и герой Роденбаха, отрицает разрыв с замкнутостью средневекового идеала, возвращение хаоса, разрушение идеи центра и выход города за собственные пределы.

Поэма Антония Ланге (1862–1929) «Тени» (*Cienie*), напечатанная в первой части его «Стихотворений» в 1895 г., также утверждает ретроспективное видение города, но представляет собой «взгляд изнутри»:

(5) *Mam takie nieme okna w martwych kamienicach, / Takie ciemne aleje w ciemnych parków głuszy, / Takie zimne kamienie na pustych ulicach, / Gdzie kryją się umarłe cząstki mojej duszy* [L. A., s. 51].

(5') 'Глухие окна и пустые каменицы, / Аллеи темные в пустом и темном сквере, / И холод камня будто бы хранит частицы / Умершие души – и прошлого потери' [Л. А., с. 41].

Образ пустоты – пространства, которое покинули люди – служит своеобразной платформой для рефлексии лирического героя, возвращающегося на знакомые улицы, но также отрицающего реальность города сегодняшнего. В определенный момент он перестает видеть тех, кто живет в старых домах сегодня – на смену им приходят силуэты из прошлого:

(6) *O, patrz! Za tem okienkiem na piętrze wysokim, / Gdzie drzemie jakiś tłuścioch – z glinianym cybuchem: / Tam cień przeszłości mojej – widzę ją mem okiem, / Tam jej cień, tam jest ona! – widzę ją mym duchem! / Nieprawda! mówię –*

nie masz owego tłuszciocha, / Ja tam jestem – i ona ze mną – dwoje cieni, / Ja tam jestem – i ona! I ona mnie kocha – / I znów jesteśmy razem – i nierozłączeni. [L. A., s. 51]

(6') 'Взгляни! Где тот толстяк, на этаже высоком, / За трубкой дремлет глиняной – за тем оконцем: / Тень прошлого – она – я вижу ее оком – / Она – там тень ее – я вижу ее сердцем! / Неправда! Нет в окне том, говорю себе я, / Ни трубки глиняной, ни той фигуры тучной, / Там я стою – и там она – со мной – две тени, / Мы вновь вдвоем – вновь вместе вновь мы неразлучны' [Л. А., с. 41].

В поэме «Тени» жизнь реальная уступает место жизни души, а улицы города, окна и мансарды старых домов составляют «точку отсчета» для духовного совершенствования лирического субъекта, для разговора о самом сокровенном:

(7) *I błędzę – błędzę dalej bez tej cząstki duszy, / Co wsiąkla tam w mansardy puste – nagie ściany. / I czuję, jak się zwolna cały duch mój kruszy / Rozrzucony po świecie... Ach, oto kasztany!* [L. A., s. 52].

(7') 'И вновь брожу – оставив там души частицы – / В пустых мансардах, голых стенах – словно раны / На сердце – слышу – медленно мой дух дробится, / Разбросанный по свету... Это же каштаны!' [Л. А., с. 41–42].

Реальный город Ланге – это лишь высокие стены, закрытые комнаты, пустые мансарды, холод камня; идеальный же город образует пространство духовной жизни.

В поэме Артура Оппмана (1867–1931) «Вильно» (*Wilno*), вошедшей в опубликованную в 1913 году антологию «Земля польская в песне» (*Ziemia polska w pieśni*), город также предстает собеседником лирического героя, субъектом слышащим и чувствующим, хранящим историю:

(8) *Po twych ulicach błędzę zadumany, / W starych zaułkach na kamieniach siadam, / Głosem znajomym mówią do mnie ściany / I z duszą murów o umarłych gadam* [O. A., s. 453]

(8') 'Я окажусь однажды вновь, смятенный, / На старых улиц каменном пейзаже, / И обретут знакомый голос стены, / И об умерших души стен расскажут' (Перевод наш. – Е. Р.).

Пространство города в поэме образуют аллеи и переулки, стены и камни, окна и аркады. Так же, как и у Вольской, взгляд лирического субъекта у Оппмана ретроспективен: реальный город уступает место воображаемому городу прошлого, городу истории. Элементы городского пространства наделяются способностью говорить и рассказывать о прошлом (*głosem znajomym mówią do mnie ściany* 'и обретут знакомый голос стены'; *i z duszą murów o umarłych gadam* 'и об умерших души стен расскажут').

Регулярный стих, используемый как Оппманом, так и Ланге, символизирует стремление остановить развитие города, его выход за собственные границы. Кроме того, лирический герой упоминает исторические и архитектурные памятники (среди которых – Острая Брама и Костел Святых Иоаннов), становящиеся знаками истории в тексте поэмы:

(9) *U Ostrej Bramy złote lampki gorą / I ludzkie serce pała z niemi razem: / W pustej uliczce, samotniczą porą, / Późny przechodzień klęknął pod Obrazem* [О. А., s. 453].

(9') 'У Острой Браны – золотое пламя / Огней, сжигающих людские лона; / Прохожий, чуть заметный меж домами, / Колени преклонил перед иконой' (Перевод наш. – Е. Р.).

«Призрачность» города воплощает в поэме Оппмана пространство пустоты (*w pustej uliczce* 'на пустой улочке') и одиночества (*samotniczą porą*, 'в одинокую пору'), в котором слышится эхо голосов (*echa szumne* 'громкие отзвуки') из прошлого:

(10) *Nad świętym Janem lecą echa szumne, / Jakby orlemi poniesione pióry, / Dawną powagą dostojne i dumne, / Akademickie ocknęły się mury* [О. А., s. 454].

(10') 'Над Иоанном ввысь взметнулись орды / Орлиных будто крыл благословенных – / Величием знаменовали гордым / Навек академические стены' (Перевод наш – Е. Р.).

Примечательно, что ни в одном из четырех рассматриваемых поэтических произведений среди знаковых элементов города не фигурируют башенные часы – символ времени, призванный напомнить лирическому субъекту о реальности дня сегодняшнего. Можно предположить, что идея времени и движения тем самым заведомо исключаются из художественной системы стихотворения, уступая место не только пространственной (панорама города), но и временной целостности (город, остановившийся во времени).

Таким образом, реальный город чужд лирическому герою поэта-модерниста. Последнему свойственен особый способ осмысления городского пространства, наделяющий субстанцию города сознанием. Идею изначального порядка выражает «взгляд с высоты» – возможность видеть городской пейзаж во всей целостности (цикл «О старом Львове»). Иллюзорность современного города воплощается не только в его образном видении (стареющий и умирающий город в цикле «Городские пейзажи»; город-собеседник и город-свидетель истории в поэме «Вильно»), но также в отказе от описания – на смену последнему приходит отображение траектории духовного развития лирического субъекта (поэма «Тени»). Элементы городского пространства могут воплощать образ города детства («О старом Львове»), города юности («Тени»), города прошлого («Вильно»).

Совершенно очевидно, что изучение образов и образных систем может служить лишь одной из предпосылок дальнейшего исследования смысловых связей, воплощенных в поэтическом произведении. Так, лексическое измерение поэзии должно изучаться в тесной связи с ее грамматикой. В частности, важным направлением анализа представляется исследование дейктических и анафорических отношений в поэтическом тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотман, Ю.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. Лотман // Семиотика города и городской культуры. Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. – 1984. – Вып. XVIII. – С. 30–45.
2. *Mendes Coelho, P.* *La ville intérieure* dans l'oeuvre de Georges Rodenbach / P. Mendes Coelho // *Francofonía*. – 1996–1997. – № 5–6. – P. 83–89.
3. *Gorceix, P.* *Georges Rodenbach (1855–1898)* / P. Gorceix. – Paris: Champion, 2006. – 273 p.
4. *Hollinghurst, A.* Bruges of Sighs / A. Hollinghurst. – *The Guardian*. – 2005. – January 29th.
5. *Cairol, E.* Decadence and Mass Culture: The Novel as a Panorama. The Case of Bruges-La-Morte / E. Cairol // *Journal of Literature and Art Studies*. – 2015. – Vol. 5. – № 7. – P. 481–494.
6. *Czabanowska-Wróbel, A.* «Biblioteka Poezji Młodej Polski» [seria wydawnicza]; pod red. Marii Podrazy-Kwiatkowskiej i Jerzego Kwiatkowskiego [recenzja] / A. Czabanowska-Wróbel // *Pamiętnik Literacki*. – 1989. – № 80/2. – S. 392–400.
7. *Niklewicz, A.* Pamięć i zapomnienie w poezji Maryli Wolskiej / A. Niklewicz // *Ruch literacki*. – 2016. – Z. 1 (334). – S. 91–109.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

R. G. – *Rodenbach, G.* *Paysages de Ville* / G. Rodenbach [Ressource électronique]. – Mode d'accès : https://fr.wikisource.org/wiki/Paysages_de_ville. – Date d'accès : 12.11.2017.

P. Ж. – *Роденбах, Ж.* Мертвый Брюгге / Ж. Роденбах; пер. с фр. М. Веселовской; пер. стихов С. Головачевского. – Томск: Водолей, 1999. – 702 с.

W. M – *Wolska, M.* *O dawnym Lwowie (pamiętnik liryczny)* / M. Wolska. – Warszawa: Wydaw. T.P., 1999. – 63 s.

B. M. – *Вольска, М.* Летние строфы / М. Вольска; пер. с пол. Е. Быстровой. – М.: Водолей, 2017. – 80 с.

L. A. – *Lange, A.* *Poezye. Część I* / A. Lange. – Kraków, 1895. – 198 s.

L. A. – *Ланге, А.* Отзвуки зимы / А. Ланге; пер. с пол. Елены Быстровой. – М.: Водолей, 2015. – 104 с.

O. A. – *Oppman, A.* *Wilno* / A. Oppman // *Ziemia polska w pieśni. Antologia*; pod red. Jana Lorentowicza. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1913. – S. 453–456.

The article analyses the symbolism of the city in Georges Rodenbach's *Paysages de Ville* (1901), Maryla Wolska's *O dawnym Lwowie* (1929), Antoni Lange's *Cienie* (1895) and Artur Oppman's *Wilno* (1913). It shows that symbolic correspondences of urban elements in these modernist texts form a retrospective poetics of closure responding to the pattern of an ideal city.

Поступила в редакцию 27.12.17